

John. H. Rowe, *An Introduction to the archaeology of Cuzco*. (Expeditions 1, Southern Peru Peabody Museum, Report No 2), XII+63 стр., рис., VIII табл. Cambridge Mass, 1944 (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, v. XXVII, No 2).

Книга является отчетом археологической экспедиции Института андских исследований, расквашавшей под руководством автора в 1941—1942 гг. область около г. Куско (Южное Перу). Наиболее интересным результатом экспедиции было определение и предварительное описание новооткрытой доинкской культуры «Чанапата», названной по поселению Чанапата, где она была впервые обнаружена. Были установлены соотношения между этой культурой и культурами Чавин (Сев. Перу) и Тиуанаку (Боливия). Датирует автор культуру Чанапата приблизительно XI—XII вв. н. э. (стр. 59). Раскопки дали большое число предметов; так, например, найдены более 25 тысяч фрагментов керамики, оружия из кости и камня, остатки строений, погребения и др. Из числа строений инкского периода был снят точный план «Храма Солнца» в Куско (рис. 9) и проведено исследование построек на холме Хуанакаури. Кроме того, были обследованы другие поселения инкской эпохи близ Куско: Корипата, Льяульпата, Муйю Коча, Каракапампа, Пикильякта, Уата и др.

Маленькая, но характерная деталь: книга посвящена автором «отцам-доминиканцам монастыря в Куско». Из этого посвящения видно, в контакте с какими силами работают некоторые американские археологи в Южной Америке.

Книга иллюстрирована фотоснимками керамики и построек, а также планами.

Р. Кинжалов

Антонио Пигафетта. *Путешествие Магеллана*. Перевод с итальянского и примечания В. С. Узина. Вступительная статья Я. М. Света. Государственное издательство географической литературы, М., 1950, стр. 177.

В последние годы Географическое издательство выпустило в свет серию документальных описаний и материалов, относящихся к замечательным экспедициям русских и зарубежных мореплавателей. К их числу относится и рецензируемая книга. Это конспект путевых записей, которые вел участник первого кругосветного плавания Антонио Пигафетта (полный текст дневника не обнаружен). Он содержит изложение того, что наблюдал автор с момента отплытия экспедиции из Испании 20 сентября 1519 г. до возвращения 6 сентября 1522 г. оставшихся в живых 18 человек. Как верно отмечается в вступительной статье, записки Пигафетты «не хроника бесстрастного летописца и не дневники вдумчивого ученого-исследователя. Это беглые заметки наивного и любознательного человека, страстного искателя приключений и наживы». Несмотря на много неточностей, непроверенных и нередко фантастических данных, дневник Пигафетты является одним из лучших источников сведений об этой экспедиции. До наших дней сохранилось очень немного свидетельств спутников и современников Магеллана. Следует пожалеть о том, что они не включены в это издание, что значительно повысило бы его познавательное значение.

В вступительной статье дается краткая биография Пигафетты и характеристика значения его записок для правильной оценки эпохи великих открытий, идеализированной буржуазными историками и географами. Автор статьи справедливо замечает, что записки Пигафетты дают более правильное представление об этой эпохе, «чем досужие упреждения американских и западноевропейских фальсификаторов от науки, стремящихся вытравить следы крови и грязи, которыми отмечен каждый шаг пионеров первоначального накопления. Записки Пигафетты рисуют подлинные, не украшенные образы этих смелых, жестоких и жадных рыцарей чистогана, позволяя по достоинству оценить их дела и помыслы, дают возможность уяснить подлинный исторический смысл заморских предприятий XV—XVI столетий». Далее излагаются сведения об экономическом и политическом положении Испании и Португалии в XV в., о международной обстановке в то время, вызвавшей необходимость поисков новых путей на Восток, а также о значении плаваний Колумба, Кабота, Веспуччи, Васко да Гамы, Бальбоа, Винсенте Янеса Пинсона, Хуана де Солиса. В заключительных разделах статьи даются биография Магеллана и характеристика его деятельности, особенно в период подготовки к кругосветному плаванию и во время путешествия, а также оценка огромного значения экспедиции.

Примечания уточняют и дополняют текст Пигафетты. На основании других источников сообщается состав экипажа экспедиции к моментам отплытия и возвращения ее, описывается ряд упущенных или неверно изложенных Пигафеттой событий, происшедших во время плавания, приводятся сведения об упоминаемых им личностях и др. Много внимания уделено уточнению географических пунктов, указаны их современные названия, даются также научные определения растений и животных, упоминаемых автором.

Наиболее слабую сторону статьи и особенно примечаний, составляют этнографические сведения, число которых совершенно недостаточно.

«Следует иметь в виду,—пишет автор вступительной статьи,—что Пигафетта, плоть от плоти человека своего века и своего класса, наблюдая и описывая неведомые дотоле страны и живущие в них людей, невольно придавал всему наблюде-

тому черты хорошо ему знакомого общественного устройства и быта. К тому же он обращал внимание главным образом на внешнюю, подчас даже парадную, показную, сторону жизни коренного населения заморских стран» (стр. 25). Однако в статье и в примечаниях очень мало пояснений и дополнений к материалам Пигафетты о населении Южной Америки, островов Великого океана и Малайского архипелага. Я. М. Свет и В. С. Узин совершенно правильно обращают внимание читателя на истинную сущность идилически описываемой Пигафеттой политики Магеллана в отношении коренного населения, принудительной массовой христианизации, ограбления и жестокого «наказания» огнем и мечом «непокорных», разжигания вражды среди населения Филиппинских островов и т. д. Этим и еще несколькими замечаниями ограничиваются дополнения к материалам Пигафетты о населении посещенных экспедицией стран. Неясным остается для читателя, с представителями каких этнических групп встретилась экспедиция на островах Великого океана и Малайского архипелага (Пигафетта называет их индейцами и маврами). Не следовало, вслед за Пигафеттой, называть коренное население Филиппинских островов индейцами (прим. 64).

Пигафетта неоднократно сообщает об одежде из древесной коры, из древесной ткани, о тканях из пальмового дерева и даже довольно правильно описывает способ изготовления одежды из древесной коры (точнее из луба) (стр. 66, 70, 77, 88, 121 и др.). В примечании 71 имеется лишь упоминание о ткани из пальмы (?). Между тем изготовление материи из луба («тапа», «фуйя») широко распространено среди коренного населения Океании, Юго-восточной Азии, Южной Америки, Африки. Этот замечательный пример первобытной техники неоднократно описан в литературе¹. Многочисленные упоминания Пигафетты заслуживают подробного пояснения.

В примечаниях имеется ряд неточностей. Укажем некоторые из них:

Прим. 22. «Пигафетта говорит тут о хлебе, изготовляемом из корней кассавы или маниоки». Из маниоки изготовлялись пресные лепешки, а не хлеб, так как закваска бразильским индейцам не была известна.

Прим. 107. «Anime» (смола), вероятно, один из многочисленных видов резины, добываемой из различных деревьев на Филиппинах». Из деревьев добывается не резина, а сок, из которого она изготовляется. Резина — это продукт, получаемый в результате вулканизации сырого каучука и различных примесей.

Определяя географическое местоположение Язы, лучше было указать современный термин — Малайский архипелаг, а не Восточные Индин — название, ныне устаревшее. Слишком лаконична карта маршрута экспедиции. Отсутствует даже название ее.

Несмотря на ряд недостатков, имеющихсЯ в рецензируемой книге, надо приветствовать инициативу Географгиза, впервые осуществившего публикацию полного перевода записок Пигафетты с итальянского оригинала (сокращенный перевод с краткого изложения их по-французски был издан в 1928 г.). Нельзя не отметить высокое качество перевода.

Н. Шпринцин

¹ См., например, публикацию музейных коллекций лубяных одежд с островов Малайского архипелага и описание их изготовления в Сборнике Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР, т. VIII, 1928.